

УДК 821.133.1.09-31+929[кардинал де Рец+Макиавелли]

КАРДИНАЛ ДЕ РЕЦ И ИДЕИ НИККОЛО МАКИАВЕЛЛИ (по материалам «Мемуаров»)

С. Ю. Павлова

Павлова Светлана Юрьевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры русской и зарубежной литературы, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, pavlovasy@info.sgu.ru

Рассматривается влияние идей Никколо Макиавелли на кардинала де Реца как героя и создателя «Мемуаров» (опубл. в 1717). Раскрывается противоречие между провозглашенным антимакиавеллизмом мемуариста и усвоением идей трактата «Государь» (1532), проявившимся на уровне суждений и оценок повествователя, изобразительных средств, концепции автобиографического героя.

Ключевые слова: мемуары, французская литература XVII века, кардинал де Рец, Никколо Макиавелли.

Cardinal de Retz and Niccolò Machiavelli's Ideas (Based on *Memoir*)

S. Yu. Pavlova

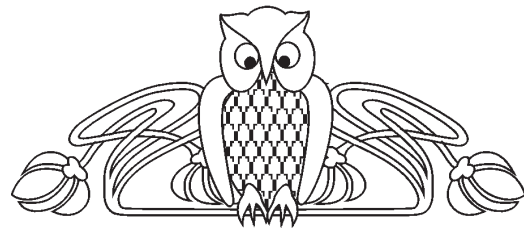
Svetlana Yu. Pavlova, ORCID 0000-0001-7870-2772, Saratov State University, 83, Astrakhanskaya Str., Saratov, 410012, Russia, pavlovasy@info.sgu.ru

The author considers how Niccolò Machiavelli's ideas influenced Cardinal de Retz as the hero and the creator of the *Memoirs* (published in 1717). The author reveals the discrepancy between the memoir-writer's proclaimed anti-Machiavellianism and his adoption of the ideas of the treatise *Sovereign* (1532). This discrepancy manifests itself on the level of the judgments and evaluations of the narrator, figures of speech, concept of the autobiographic hero.

Key words: memoirs, French literature of the XVIIth century, Cardinal de Retz, Niccolò Machiavelli.

DOI: 10.18500/1817-7115-2018-18-2-170-174

Кардинал де Рец (1613–1679) вошел в историю литературы как автор знаменитых «Мемуаров» (опубл. в 1717), ставших одним из крупнейших произведений французской прозы XVII в. и выдающимся образцом мемуарного жанра. Центральное место в сочинении кардинала отводится его участию в событиях Фронды, когда он смог проявить себя не только как духовный пастырь, но и как глава партии, переговорщик, советчик, оратор, предводитель. Гражданское противостояние середины XVII в. показало, что и сторонники двора, и фрондеры нередко руководствовались в своих действиях не заботами о благе государства, а личными интересами и желанием сохранить власть. Политические интриги этого периода продемонстрировали сущность нового политического мышления, восходящего к трактату

ту Никколо Макиавелли «Государь» (Il Principe, 1532). Оно заключалось в стремлении «отделиться от спекулятивного мышления, этики и религии»¹. Уже в XVI в. трактат был переведен на французский язык четыре раза (Жаком де Вентимийем в 1546 г., Гийомом Капелем в 1553 г., Гаспаром д'Овернем в 1553 г., Жаком Гоори в 1571 г.)², что способствовало его распространению среди французских придворных. В статье будет рассмотрено влияние идей итальянского мыслителя на кардинала де Реца-героя и создателя мемуаров.

Понимание значимости трактата Макиавелли для государственных деятелей Франции подтолкнуло мемуариста к необходимости отчетливо обозначить свое отношение к его учению и к тем, кто руководствуется им в политике. По мнению Реца, «большая часть тех, кто его читает, не понимает, а другая воображает, будто он во всех случаях рассуждает умно, потому лишь, что он всегда рассуждает со злобой. Однако в рассуждениях своих Макиавелли был умен далеко не всегда, весьма часто он заблуждался <...>»³. В этих словах очевидна дистанция по отношению к автору знаменитого трактата. В своей критике макиавеллизма кардинал выражает характерную для французской знати позицию неприятия лукавства и хитрости в качестве политических инструментов как противоречащих национальному кодексу аристократического поведения, предполагавшему верность слову, стремление к славе и высокий героизм. Как пишет А. Бертьер, «сопротивление Макиавелли, по большей части моральное и религиозное, нашло во Франции дополнительную опору в старинной феодальной концепции государства, где отношения между различными носителями власти регулировались согласно кодексу чести, таким образом, во Франции оно наталкивается не только на инстинктивное неприятие, но на осмысленное несогласие, основанное на традиционных доводах»⁴.

В приведенной цитате из мемуаров Рец критикует последователей итальянца за то, что они, руководствуясь соображениями личной выгоды, всегда поддерживали начальствующего против подчиненного. Согласимся с А. Ф. Строевым, указывающим, что буквально такого высказывания в «Государе» нет⁵. Более того, там встречается совет иного рода: «Важно <...> не подвергать оскорблению окружающих тебя должностных лиц и людей, находящихся у тебя в услужении»⁶. Рец отсылает к мыслям Макиавелли и по-своему трактует их. С большей точностью он это делает в

других случаях, показывая себя знатоком трактата.

Первая скрытая аллюзия появляется в тексте в связи с кардиналом Мазарини, которого мемуарист называет итальянцем, учившимся политике по книгам (53). Предположение комментаторов о том, что имеется в виду «Государь», строится на высокой популярности трактата среди крупных европейских политиков, имевших его в качестве настольной книги. Именование Мазарини «итальянцем», содержащее намек на его общее с Макиавелли происхождение, также может служить дополнительным аргументом в пользу такой интерпретации. Впрочем, современники упрекали и самого Реца в иноземных корнях, хотя его семья уже давно проживала во Франции и в жилах кардинала текла лишь одна восьмая часть итальянской крови. Представляется, что более убедительным может быть другой довод, касающийся смыслового контекста анализируемой отсылки. Она возникает в связи с рассказом о том, что уже в молодые годы герой мемуаров «был слишком любим в Париже, чтобы долго оставаться любимцем двора» (52–53). В этом, по словам повествователя, и состояло его преступление в глазах Мазарини. Рец намекает на один из важных советов Макиавелли, касающийся умения государя ладить с народом и не быть ему ненавистным. Итальянский писатель возвращается к этой мысли несколько раз: «...государю надлежит быть в дружбе с народом, иначе в трудное время он будет свергнут» (33), «главное средство против них [заговоров] – не навлекать на себя ненависти и презрения подданных и быть угодным народу» (58), «...лучшая из всех крепостей – не быть ненавистным народу» (69).

Авторитет, завоеванный Рецем у простых парижан, мог расцениваться Мазарини как стремление к власти, а потому привел к возрастанию его антипатии в адрес молодого священника. Мемуарист напрямую не соотносит тактику своего поведения по отношению к народу с учением итальянца, поскольку позиционирует себя как антимаккиавеллист. У нее могли быть и иные причины, например, связанные с сугубо национальной моделью взаимоотношений аристократов и их подданных. И все же в период Фронды, равно как на протяжении всей политической карьеры, Рец придерживался советов Макиавелли на этот счет (устанавливал личные связи, имел своих людей в кварталах городской бедноты, раздавал щедрую милостыню) и в мемуарах неоднократно подчеркивал свой авторитет среди народа (26, 74, 112, 352 и т. д.).

Несколько косвенных указаний на кардинала как читателя «Государя» можно обнаружить в его размышлениях о власти и ее носителях. Так, они присутствуют в рассуждениях о мудрых королях, передававших часть своих полномочий парламентам, чтобы «отвести от себя зависть и ненависть, какую вызывает порой исполнение даже самых праведных и необходимых из них» (55). Мысль о

том, что залогом устойчивого правления является формула «разделяй и властвуй», дающая возможность властителю оставаться в глазах народа вершителем только благого, выражена Макиавелли в таких словах: «...дела, неугодные подданным, государи должны возлагать на других, а угодные – исполнять сами» (60).

Автор трактата неоднократно касается вопроса о том, какими качествами должен быть наделен правитель и в какой мере ему следует проявлять их на деле. В пятнадцатой главе «О том, за что людей, в особенности государей, восхваляют и порицают» он утверждает, что человек в силу своей природы не может иметь одни лишь добродетели, поэтому «благоразумному государю следует избегать тех пороков, которые могут лишить его государства, от остальных же – воздерживаться по мере сил, но не более» (49). Та же мысль развивается в восемнадцатой главе «О том, как государь должен держать слово», где правитель уподобляется льву и лисе, т. е. наделяется силой, способной «отпугнуть волков», и хитростью, «чтобы уметь обойти капканы» (55). Необходимость сохранения власти и защиты интересов государства легитимирует его право «удаляться от добра, но при необходимости не чураться и зла» (56) и «пользоваться этим умением смотря по надобности» (48). Отсылка к этому комплексу идей эксплицирована у Реца лишь однажды: при передаче разговора с Лионном, предлагавшим убить принца де Конде. Мемуарист пишет, что его собеседник «раза два или три поминал слова Макиавелли о том, что люди большей частью погибают от того, что не отваживаются быть дурными до конца» (357). Эти слова не являются прямой цитатой, а скорее, логическим выводом, оправдывающим злодеяние во имя высшего блага.

В мемуарах также встречаются имплицитные переключки с обозначенными выше идеями Макиавелли о нравственности и поведении правителей. Примером может служить портретная характеристика кардинала де Ришелье. При общем враждебном к нему отношении, вызванном соображениями как семейного, так и личного порядка, Рец указывает на такие качества кардинала, которые необходимы крупному государственному деятелю. Выявляя его недостатки, он в пределах одной фразы компенсирует их другими чертами, свидетельствующими либо о положительной оценке, либо о признании незаурядности Ришелье. В результате отсутствие щедрости оборачивается умением давать более, нежели обещано, а избыток честолюбия оказывается соразмерным его дарованию. Благородное происхождение, блестящий ум и прозорливость делают министра ни много ни мало как человеком, который «своим могуществом и царственным величием <...> затмевал величие особы Короля, но при этом с таким достоинством исполнял королевские обязанности, что дюжинному уму не дано было провести здесь грань между добром и злом» (56).

Недостатки кардинала в конечном итоге выглядят в глазах Реца приемлемыми для государственного деятеля: «Словом, должно признать, что все пороки его принадлежали к числу тех, какие могут заслужить славу человеку высокого звания, ибо они из числа тех, чьим орудием могут быть лишь великие добродетели» (57). Оценивая кардинала де Ришелье как политика, мемуарист опирается на критерии, предложенные Макиавелли, и солидаризуется с его позицией в отношении моральных качеств правителей.

Уже современники обвиняли кардинала де Реца в том, что он руководствовался теорией итальянского мыслителя и в своем собственном поведении. Этому были посвящены мазаринады, об этом же писала госпожа де Мотвиль, характеризуя его действия в период Фронды: «Впоследствии мы узнали, что в первые дни коадьютор часто предлагал герцогу Орлеанскому увести короля и отправить королеву в монастырь; его правило восходило к Макиавелли: нельзя быть тираном наполовину»⁷. Рец был известен как мастер ведения интриг, в которых проявлял себя по-макиавеллевски хитрой лисой, что в полной мере подтверждают его мемуары. Как пишет А. Бертьер, осуждая на словах учение Макиавелли, он понимал, что «если хочешь иметь шансы на успех, нужно позаимствовать оружие у противника». Макиавеллизм оказывается «заразен и он заражает всякого, кто с ним соприкасается»⁸.

Впечатление о политической изворотливости Реца усиливает позиция повествователя, который не прячет истинных намерений и мотивов поведения героя, а, напротив, посредством анализа вскрывает их. Мемуарист словно любит свое умение маневрировать, притворяться, вести «двойную игру», что отражают слова и словосочетания, передающие его действия: «сделал вид» (70), «виду не подал» (146), «прикинулся» (171), «не подавая по наружности повода» (344) и т. д. Характерным примером такой тактики может служить его поведение в период парламентской Фронды, когда после долгих размышлений и даже совета с отцом, он принял решение из разряда макиавеллевских: «...мне вдруг пришло в голову, что тайком я всеми силами должен содействовать миру для спасения государства, которое казалось мне на краю гибели, а по наружности миру противодействовать, дабы не потерять доверия народа и остаться по-прежнему во главе партии безоружной, – впоследствии, смотря по обстоятельствам, я могу решить, должно вооружить ее или нет» (197). Свой план Рец реализовывал согласно этим намерениям, словно следуя советам автора «Государя», обосновавшего право носителя власти «не стараться сдерживать данное слово», уметь «обвести вокруг пальца» и прикрыть «лисью натуру», одним словом, «быть изрядным обманщиком и лицемером» (55).

Рец-герой мемуаров примеряет на себя различные роли, а также демонстрирует, как их

исполняют другие. Отсылая к игре, автор имеет в виду не столько важную для театра идею актерского таланта и удовольствия, сколько ложного поведения, присущего человеку вообще. Слово-сочетание «играть/разыгрывать роль» встречается в тексте неоднократно (9, 73, 103, 188) и предполагает важный смысловой акцент, связанный с умением скрывать правду, изображая нечто иное с определенной целью, вплоть до такой изощренной формы, когда вся тонкость игры «в том и состояла, чтоб ее скрыть» (200).

Мемуары показывают, что этот макиавеллевский урок французские аристократы, включая автобиографического героя, усвоили прекрасно. Не случайно сквозным для мемуаров становится образ театра, с которым Рец соотносит события Фронды. Показательным примером служит описание поведения придворных после получения известий о волнениях в Париже, вызванных арестом членов парламента: «...все, бывшие в кабинете, играли комедию: я прикидывался простодушным, хотя не был им, по крайней мере в этом случае; Кардинал притворялся уверенным, хотя вовсе не был им в той степени, в какой казался; Королева несколько мгновений изображала кротость, хотя никогда не была более раздражена, <...> Ботрю и Ножан паясничали в угоду Королеве, представляя кормилицу Брусселя, <...> которая подстрекает народ к мятежу, хотя оба отлично понимали, что, быть может, от фарса не так уж далеко до трагедии» (71). Параллельные конструкции с союзом «хотя» и глаголы со значением «обмана» (прикидываться, притворяться, изображать, паясничать) усиливают впечатление о разнице между подлинными реакциями и их видимым проявлением. Подчеркивая игровой характер поведения людей, мемуарист вскрывает расхождение между истинными целями политиков и их реализацией и – глубже – одну из основных философских дилемм эпохи между «быть» и «казаться».

Трактат Макиавелли и мемуары Реца связывает одна важная для обоих авторов метафора. Для характеристики состояния государства оба используют метафору болезни. Она восходит к Античности⁹ и встречается уже у Цицерона. В «Первой речи против Луция Сергия Катилины» (63 г. до н.э.) римский политик уподобляет болезням заговоры: «Я понимаю, что, казнив одного только Катилину, можно на некоторое время ослабить эту моровую болезнь в государстве, но навсегда уничтожить ее нельзя»¹⁰. Тит Ливий в кн. XXII, гл. 8 «Истории Рима от основания города» (ок. 30 г. до н.э. – 17 г. н.э.) проводит параллель между состоянием человеческого тела и государства: «...ведь, как больной человек ничтожное заболевание переносит труднее, чем здоровый тяжелую болезнь, так и больное потрясенное государство не перенесет никакой новой беды, и не потому, что эта так тяжела, а потому, что нету сил поднять еще какое-то бремя»¹¹. О здоровье и болезни применительно к государству пишет

и Тацит в кн. I, гл. 4 «Истории» (ок. 109 г. н.э.): «Однако прежде чем приступить к задуманному рассказу, нужно, я полагаю, оглянуться назад и представить себе, каково было положение в Риме, настроение войск, состояние провинций и что было в мире здорово, а что гнило»¹².

Метафора болезни государства появляется и в других сочинениях, написанных до мемуаров кардинала де Реца, в том числе в «Государе» Макиавелли. В сравнении с предшественниками, у итальянского писателя она приобретает более развернутый характер. В третьей главе «О смешанных государствах», высоко оценивая тактику римлян при завоевании греческих земель, автор отмечает их умение вовремя принять меры, необходимые для удержания власти. «Но если дожидаться, пока беда грянет, – пишет Макиавелли, – то никакие меры не помогут, ибо недуг станет неизлечим. Здесь происходит то же самое, что с чахоткой: врачи говорят, что в начале эту болезнь трудно распознать, но легко излечить; если же она запущена, то ее легко распознать, но излечить трудно. Так же и в делах государства: если своевременно обнаружить зарождающийся недуг, что дано лишь мудрым правителям, то избавиться от него нетрудно, но если он запущен так, что всякому виден, то никакое снадобье уже не поможет» (10).

Кардинал де Рец также разрабатывает эту метафору детально, описывая состояние запущенного недуга, когда страна оказывается в состоянии тяжелой болезни, до которой довели ее лишены мудрости правители: «Когда дело идет о государстве, последней степенью заблуждения бывает обыкновенно своего рода летаргия, и наступает она лишь после того, как болезнь явила опасные симптомы. Попраиение старинных законов, уничтожение того равновесия, какое они установили между подданными и королями, утверждение власти совершенно и безусловно деспотической, были причинами, ввергнувшими первоначально Францию в судорожные конвульсии, в каких застали ее наши отцы. Кардинал де Ришелье, уподобившись знахарю, вздумал врачевать ее сильнодействующими средствами, которые вызвали в ней прилив сил, но сил возбуждения, изнуривших тело и все его части. Кардинал Мазарини, лекарь совершенно неопытный, не понял, в каком она изнеможении. Он не стал поддерживать ее тайными снадобьями своего предшественника, а продолжал ослаблять кровопусканиями; она впала в летаргию, а он оказался столь несведущ, что ложный этот покой принял за истинное выздоровление <...> Быть может, если бы с этим всеобщим безразличием обошлись осторожнее, спячка продолжалась бы долее, но поскольку врач принимал ее за сладкий сон, он и не пытался исцелить недуг. Болезнь обострилась, голова поднялась: Париж очнулся, испустил вздох, на это не обратили внимания, у него началась горячка» (58–59). Макиавеллевская «чахотка» сменяется у

Реца «летаргией», но метафора невидимой болезни, которая либо вовремя уничтожается, либо становится неизлечимой, сохраняется.

Анализируемая метафора реализуется в мемуарах посредством лексики, входящей в семантическое поле слова «болезнь»: рана, недуг, врачевание, зараза, лекарь, снадобье, симптомы, зуд и т. д. (67, 85, 99, 102, 104, 136, 146, 185, 204, 494, 516, 614 и др.). Государство предстает у Реца тяжело больным телом, требующим применения сильнодействующих средств: «...нынешний тяжелый недуг <...> вызван потрясением всего тела; отдельные его части сами себе оказать помощь не способны; единственное средство лечения – это извергнуть наружу яд, поразивший весь организм» (455). Однако из-за долгой лихорадки у него поражено и сознание, пребывающее в состоянии близком «к буйному помешательству» (516). Разворачивая метафору болезни, мемуарист оправдывает действия фрондеров как попытку излечить недуг государства, ставший следствием действий невежественных лекарей, подобных кардиналу Мазарини. С ее помощью он продолжает критику политики абсолютизма и показывает неизбежность волнений во Франции в середине XVII в.

Таким образом, мемуары кардинала де Реца подтверждают значимость макиавеллевского трактата для французских политиков эпохи Фронды. Эксплицированная в его сочинении критическая оценка идей Макиавелли вступает в противоречие как с отдельными характеристиками и суждениями повествователя о государстве и носителях власти, так и с концепцией автобиографического героя. Мемуары показывают, что в действительности кардинал де Рец разделял отдельные положения учения итальянского мыслителя и на деле балансировал между двумя полюсами: желанием сохранить верность кодексу поведения французских аристократов и необходимостью действовать согласно законам реальной политики, пропитанной идеями «Государя».

Примечания

- ¹ Реале Дж. Западная философия от истоков до наших дней : в 3 т. Т. 2. Средневековье (от Библейского послания до Макиавелли). СПб., 1997. С. 311.
- ² См. подробнее специальный сайт, посвященный научному представлению и комментированию первых переводов на французский язык трактата Н. Макиавелли «Государь» – Hyperprince. URL: <http://hyperprince.ens-lyon.fr/>.
- ³ Кардинал де Рец. Мемуары. М., 1997. С. 260. Далее текст мемуаров цитируется по этому изданию с указанием страниц в скобках.
- ⁴ Bertièrre A. Le cardinal de Retz mémorialiste. Thèse présentée devant l'Université de Paris IV, le 28 juin 1976. Lille, 1981. P. 359.
- ⁵ См.: Строев А. Примечания // Кардинал де Рец. Мемуары. С. 743.

- ⁶ *Макиавелли Н. Государь* // Макиавелли Н. Государь. М., 2016. С. 63. Далее текст трактата цитируется по этому изданию с указанием страниц в скобках.
- ⁷ *Motteville F. Chronique de la Fronde*. Paris, 2003. P. 626.
- ⁸ *Bertière A.* Op. cit. P. 360.
- ⁹ Выражаю благодарность за помощь в работе с античными источниками доценту кафедры русской и зарубежной литературы Саратовского национального исследовательского государственного университета имени Н. Г. Чернышевского Е. А. Разумовской.
- ¹⁰ *Марк Туллий Цицерон. Речи* : в 2 т. Т. 1 (81–63 гг. до н.э.) / пер. В. О. Горенштейн. М., 1993. С. 301.
- ¹¹ *Тит Ливий. История Рима от основания города* : в 3 т. Т. 2. / пер. М. Е. Сергеенко. М., 1991. С. 66.
- ¹² *Корнелий Тацит. Сочинения* : в 2 т. Т. 2. История / пер. Г. С. Кнабе. Л., 1969. С. 6.

Образец для цитирования:

Павлова С. Ю. Кардинал де Рец и идеи Никколо Макиавелли (по материалам «Мемуаров») // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Филология. Журналистика. 2018. Т. 18, вып. 2. С. 170–174. DOI: 10.18500/1817-7115-2018-18-2-170-174.

Cite this article as:

Pavlova S. Yu. Cardinal de Retz and Niccolo Machiavelli's Ideas (Based on *Memoir*). *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Philology. Journalism*, 2018, vol. 18, iss. 2, pp. 170–174 (in Russian). DOI: 10.18500/1817-7115-2018-18-2-170-174.